

Константин Коровин

Последние годы Мамонтова

Театр был переполнен. Он замер при первых звуках необычайного голоса Шаляпина. Все кругом померкло — только он один, этот, почти мальчик, Сусанин. Публика плакала при фразах: «Взгляни в лицо мое, последняя заря».

Савва Иванович, посмотрев на меня, сказал на ухо:

— Вот это артист...

За ужином, по окончании спектакля, у Саввы Ивановича были все артисты и гости. Рядом с дирижером Труффи сидел тот самый высокий молодой человек, который был в павильоне Крайнего Севера и смотрел на тюленя. Шаляпин был так оживлен, что я никогда раньше не видел такого веселого человека. Он рассказывал анекдоты, подражая еврею, грыз сахар, представляя обезьяну. Потом пел сопрано, подражая артисткам, представлял, как они ходят по сцене. Движения его были быстры и изящны. Он ушел, окруженный артистками, кататься на Волгу.

— Редко бывает такое музыкальный человек, — сказал дирижер, итальянец Труффи. — Немного в оркестр фагот отстал, он уже смотрит, сердится. Я его знает, это особая такая Федя.

— Надо ставить для него, — сказал Савва Иванович, — «Рогнеду», «Вражью силу», «Юдифь», «Псковитянку», «Опричника», «Русалку».

Уехав в Москву из Нижнего, Савва Иванович как-то заехал ко мне в мастерскую на Долгоруковской улице... Был озабоченный и грустный, что с ним бывало редко.

— Я как-то не пойму, — сказал он мне, — есть что-то новое и странное, не в моем понимании. Открыт новый край, целая страна, край огромного богатства. Строится дорога, кончается, туда нужно людей инициативы, нужно бросить капиталы, золото, кредиты и поднять энергию живого сильного народа, а у нас все сидят на сундуках и не дают деньги. Мне навязали Невский механический завод, а заказы дают, торгуясь так, что нельзя исполнить. Мне один день стоит целого сезона оперы. Думают, что я богат. Я был богат, правда, но я все отдал и шел, думая, что деньги

для жизни народа, а не жизнь для денег. Какая им цена, когда нет жизни. Какую рыбу можно поймать, когда нет сети и не на что купить соли, чтобы ее засолить. Нет, я и Чижов думали по-другому. Если цель — разорить меня, то это нетрудно. Я чувствую преднамерение, и я расстроен.

Помолчав, Савва Иванович сказал, переменяв тему:

— Тюлень ваш имел успех. В Нижнем был государь. Когда он был на выставке, шел дождь, началась буря, град, стекла повывалило. В нашем Северном отделе тюлень выскочил и закричал «ура!». Государь был изумлен. Самоеду Василию приказал выдать часы и сто рублей и построить дома в поселениях самоедов на Новой Земле. Но я должен вас огорчить, Костенька, тюлень так потолстел, так объелся рыбы, что умер от разрыва сердца. Что было с Василием! Он так рыдал. Мы с ним хоронили тюленя. Он его закопал у самой воды, в песке на Волге, и говорил какую-то свою молитву, смотря на воду. Я не мог глядеть и тоже плакал.

В новом театре, построенном Солодовниковым, открылась Частная опера С. И. Мамонтова. «Фауст» шел в таком составе: Фауст — Мазини, Мефистофель — Шаляпин, Маргарита — Ван-Зандт, Валентин — Девойд. Пели Сильва, Броджи, Падила и другие знаменитости Италии. Поставлены были оперы «Рогнеда», «Опричник», «Псковитянка», «Хованщина», «Аскольдова могила», «Орлеанская дева». Кажется, не было опер, которые не шли бы в театре С. И. Мамонтова. Шаляпин поражал художественным исполнением и голосом очарованную оперой Москву.

Как-то я писал портрет Мазини. Во время сеанса зашел Савва Иванович. Мазини встал и встретил его дружелюбно. Посмотрев на портрет, сказал:

— Bellissimo ritratto!..

И вдруг спросил Савву Ивановича:

— А тебе я нравлюсь? Нравится, как я пою?

— Еще бы! — ответил Мамонтов.

— Да, но я не так пою, как мой учитель Рубини, которому я не достоин завязать ремень на его сапоге.

— Я слышал Рубини,— сказал Савва Иванович.

— Как, ты слышал Рубини? — схватив Мамонтова за руку, спросил Мазини.— Ты его слышал?!

— Да, слышал, в Риме.

— Он пел лучше меня?

— Пел изумительно,— ответил Савва Иванович,— но не лучше Анджело Мазини.

Мазини недоверчиво смотрел на Савву Ивановича. (...)

Когда Савва Иванович был болен — это было в 1918 году,— я навестил его.

— Ну что же, Костенька, скоро умирать. Я помню, умирал мой отец, так последние слова его были: «Иван с печки упал». Мы ведь русские.

Через неделю Савва Иванович скончался.

Савва Мамонтов. Портрет работы художника В. А. Серова

